

ГРАЩЕНКОВ Илья Александрович — руководитель Центра развития региональной политики (103009, Россия, г. Москва, ул. Тверская, 9, стр. 4; delober@gmail.com)

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ВНУТРИ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА В СССР

Аннотация. В статье анализируются взаимоотношения между властью и писателями в СССР в период, предшествовавший сталинскому «великому перелому» конца 1920-х гг. Автор прослеживает изменения во взаимодействии большевиков и литераторов, которые в последующие годы привели к ужесточению цензуры. Особое внимание уделено взаимосвязи внутривнутрипартийной фракционной борьбы и постепенного вращивания партийного аппарата в структуру государства, отмечается вовлечение ОГПУ в политические процессы. Показано, что литературное творчество становилось орудием политической борьбы: формировался идеологический запрос на «писателя нового типа».

Ключевые слова: власть, литература, печать, СССР, партия, Сталин, внутривнутрипартийная борьба, цензура

Вопрос о выработке взаимоотношений между властью и литераторами весьма актуален. За идеологическим фасадом сталинской эпохи скрывались многие тайны, не разгаданные до сих пор. В советской истории многие из писателей, публицистов были обласканы властью, однако известно множество случаев, когда литераторы становились изгоями или уезжали из страны. В этой связи данная тема может быть свидетельством до сих пор существующего разрыва между историческим знанием и общественным сознанием [Лапшин 2015а, 2015б].

Анализируя развитие взаимоотношений между правящей коммунистической партией и писателями, можно констатировать, что жесткая государственная цензура, к которой страна пришла в период правления И.В. Сталина, была не только его личным выбором, но и следствием политических процессов внутри самой партии. Проигрывая своим оппонентам в части публичной деятельности (выступления, дебаты и публицистика), Сталин сосредоточился на аппаратной борьбе. Таким же образом он взаимодействовал и с литераторами. Сталинская новация — включение в политическую борьбу чекистов. Начиная с 1927 г. это серьезным образом сказывалось на литературной политике. Частью этого механизма становится ОГПУ, которое превратилось из карательного органа в средство воспроизводства системы.

В связи с объявлением сталинского «великого перелома» в 1929 г. отношение к литературе меняется, со стороны власти формируется запрос на «писателя нового типа», на литературу возлагается иная миссия. Происходит окончательный уход от литературы личного мнения, сформировавшейся в прошлом веке. Творчество постепенно становится составной частью идеологии, сначала — орудием революции, затем — певцом партии, а в конечном итоге — частью пропагандистского аппарата системы. Эта метаморфоза дает старт и качественно новой форме цензуры, которая из средства грубого подавления становится составной частью образа мысли — самоцензурой.

Литература как инструмент тонкой идеологической борьбы начинает интересовать большевиков сразу после Октябрьской революции. 27 октября 1917 г. Совет народных комиссаров утвердил временный Декрет о печати, который объявил вне закона все контрреволюционные газеты¹. Союз русских писателей выступил против этого декрета. В числе его противников оказались З. Гиппиус,

¹ Декреты Советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы. 1957. Т. 1. С. 24.

Е. Замятин, В. Засулич, В. Короленко, Д. Мережковский, А. Потресов, Ф. Сологуб, П. Сорокин [Жирков 2001]. Протест не был поддержан общественностью. В результате уже 29 декабря 1917 г. появился новый декрет «О государственном издательстве», в котором декларировалась установка на государственный контроль над всей печатной деятельностью. Госиздат стал мощной структурой нового аппарата — правительственным органом, играющим руководящую роль в организации литературного творчества. 29 июля 1919 г. все отделы печати местных Советов были переданы в ведение Госиздата. В начале 1918 г. при революционном трибунале был учрежден трибунал печати, регламентирующий подходы к вопросу цензуры¹. В 1922 г. Госиздат перестал быть цензурным ведомством, эту функцию возложили на Народный комиссариат просвещения РСФСР под руководством А.В. Луначарского.

Вопрос о повышении качества пролетарской литературы и необходимости организации работы с писателями первым поставил Л.Д. Троцкий, о чем он написал в секретной записке «Об издательской политике» заместителю начальника Главного управления политического просвещения Наркомпроса В.Н. Мещерякову: «Крупнейшее значение приобретает сейчас художественная литература. Чуть не ежедневно выходят книжки стихов и литературной критики. 99% этих изданий пропитаны антипролетарскими настроениями и антисоветскими по существу тенденциями. Художественная литература и литературная критика представляют собой теперь наиболее доступный канал для влияния буржуазной мысли не только на интеллигенцию, но и на пролетарскую молодежь. Крупных событий, которые оформляли бы революционное сознание, нет в данный момент ни у нас, ни в Европе, а буржуазно-индивидуалистическая литература, высокая по технике, влияет на рабочую молодежь и отравляет ее. Нам необходимо обратить больше внимания на вопросы литературной критики и поэзии не только в смысле цензурном, но и в смысле издательском. Нужно выпускать в большем количестве и скорее те художественные произведения, которые проникнуты нашим духом»². В том же 1922 г. эмигрант Н.Г. Устрялов опубликовал статью «Обмирщение», в которой рассуждал о том, что «неудержимо развивающийся процесс обмирщения коммунистического экстремизма есть истинно действенная и глубоко плодотворная самокритика русской революции. Она неизбежно приведет и уже приводит к подлинному русскому Ренессансу»³.

В 1923 г. в СССР начались ожесточенные споры вокруг концепции национал-большевизма. Идеологическая борьба отразилась и в сфере литературной политики. Сторонники «сменовеховства» Л.Д. Троцкий и А.В. Луначарский выступали в поддержку писателей-попутчиков, склоняясь к русской национальной интерпретации революции. Так, Троцкий издал книгу «Литература и революция», где называл попутчиков «новым советским народничеством». Однако данная позиция получила отпор со стороны наиболее последовательных сторонников диктатуры пролетариата. Сам Троцкий в своей книге явно отвергал национал-большевизм, склоняясь к более прагматичному течению. В 1924 г. попутчиков неожиданно поддержал один из основных противников троцкистов Н.И. Бухарин, отвергавший монополизм в литературной сфере и создание преимуществ для какой бы то ни было одной из писательских групп. Стоит отметить, что позднее Бухарин сам выступил против народнических тенденций в литературе.

Постепенно в ЦК РКП(б) завязался спор о допустимости в СССР литературы,

¹ Там же. С. 32.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 180.

³ *Новости жизни*. 1922. 10 дек.

выходящей за рамки партийной идеологии. Вместе с этим встал вопрос о централизации писательских организаций. Однако объединение литературных организаций не состоялось, а отношение к попутчикам осталось снисходительным, что создавало возможные риски. Эту тенденцию предсказал Устрялов в своем «Обмирщении»: «Чрезмерные увлечения интернационалистского максимализма только повлекут за собой болезненную гипертрофию неминуемо грядущего национализма» [Устрялов 2003: 165].

В первые годы Советской власти государство не допускало к печати оппозиционеров, но новая власть все-таки избегала применения жесткой цензуры в отношении литературного творчества. Конечно, от наиболее опасных идейных противников вожди коммунизма предпочли избавиться. Так, в 1921 г. был расстрелян Н. Гумилев, а в 1922 г. на «философском пароходе» Россию покинули 22 литератора. В июне 1922 г. в «Правде» появилась статья Троцкого «Диктатура, где твой хлыст?» — ответ на публикацию литератора Ю. Айхенвальда. Троцкий писал, что «пора бы заставить айхенвальдов убраться к черту, в тот лагерь содержания, к которому они принадлежали по праву со всей своей эстетикой и со своей религией»¹.

Вопрос о принципах взаимодействия власти с литераторами оставался неурегулированным. В то же время партию начинали сотрясать идеологические дискуссии, инициированные Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым, которые в 1925 г. создали «новую оппозицию» по отношению к Сталину, который объявил свой тезис о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. «Литературная дискуссия», направленная против Троцкого, укрепила позиции Сталина. На этой же волне внутрипартийной борьбы была принята резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. В ней еще остались следы терпимого отношения к попутчикам — говорилось о недопустимости административного давления, о творческой конкуренции («партия должна высказаться за свободное соревнование различных группировок и течений в данной области»²). В резолюции запрещались монополия отдельных художественных групп, притеснение художественных форм, стилистических приемов и средств выражения. Стоит отметить, что идеологом этого документа выступил Н.И. Бухарин, в то время — соратник Сталина. Троцкому же предложили лишь внести свои поправки в комиссию в письменном виде³.

Допущение властью капитализма в экономике в условиях нэпа создавало определенные риски. Это нашло отражение в периодических финансовых кризисах. Изучение данного аспекта актуально и для современной России [Васильев 2011; 2012]. В этой связи важно подчеркнуть следующее обстоятельство: существовала прямая связь между внутрипартийной борьбой и выбором пути хозяйственного и социально-политического развития СССР. За теоретическими дискуссиями между большевистскими лидерами, которые выливались на страницы массовой печати, постоянно маячила жесткая борьба за власть. Советская печать активно тиражировала мнение сталинского партийного руководства: теоретической основой троцкизма и «правых» объявлялась механическая методология, неумение пользоваться методологией материалистической диалектики. Однако при всех различиях во взглядах все — и «левые», и «правые» — были членами правящей партии, которая осенью 1926 г. выдвинула лозунг, призывающий советский народ в исторически кратчайшие сроки догнать и перегнать капиталистический мир [Васильев 2006: 276-278].

¹ *Правда*. 1922. 2 июня.

² *Правда*. 1925. 1 июля.

³ *Власть и художественная интеллигенция*. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953. М.: Международный фонд «Демократия». 1999. С. 53.

В условиях нэповского госкапитализма литературное творчество стало важным инструментом во внутрипартийной борьбе за власть. Так, увидела свет пьеса «Дни Турбиных» М.А. Булгакова, поддержанная Луначарским и Сталиным. Постановка вызвала шквал партийной критики, но благодаря поддержке ЦК ее не запретили. Мобилизационная система, созданная Сталиным на волне борьбы с «левацким» наследием, в конечном итоге распространилась и на сферу литературного творчества. В свою очередь Троцкий сделал ставку на публицистику, объявляя войну сложившемуся при Сталине «бюрократическому абсолютизму». В публичной полемике аппаратный блок Сталина чувствовал себя не слишком уверенно, поэтому к решению вопроса был привлечен репрессивный аппарат ОГПУ. Сталин решил опереться на ведомство госбезопасности, которое с 1927 г. стало активно участвовать во внутрипартийной борьбе. В борьбе с оппозицией на идеологическом фронте Сталин задействовал и сферу печати.

Победа Сталина во внутрипартийной борьбе привела и к изменению подходов к литературному творчеству. Новый проект резолюции ЦК ВКП(б) о художественной литературе подготовил заведующий отделом культуры и пропаганды А.И. Стецкий, бывший соратник Бухарина, после разгрома «правых» оказавшийся в команде Сталина. Именно он занялся культурным строительством в начале «великого перелома». Ставка делалась не только на пролетариат, но и на колхозника.

Литературное творчество стало восприниматься как важнейший участок идеологической работы с «классовым врагом». Важно отметить, что именно в резолюции Стецкого говорится о создании «нового типа писателя», вышедшего из колхоза или завода, непосредственно связанного с массами. Об этом свидетельствует текст резолюции: «По-новому встают вопросы литературной политики. Пролетарская литература добилась несомненных и крупных успехов: она завоевывает своей продукцией массового читателя, выдвинув наиболее актуальную тематику, повышая свое идейное и художественное качество; она расширяет свои ряды притоком рабочих ударников в литературу. Вопреки как троцкистам, отрицающим самую возможность пролетарской литературы, так и правым оппортунистам, отрывающим пролетарскую культуру от культурной революции и не признающим культурной гегемонии пролетариата в отношении крестьянства, — пролетарская литература не только стала важнейшей частью советской литературы, но и все более осуществляет свою ведущую роль по отношению к другим отрядам художественной литературы. Сплошная коллективизация деревни, ликвидация на ее основе кулачества как класса, культурный подъем колхозников и рабочих совхозов по-новому ставят вопросы крестьянской литературы. Писатели-колхозники становятся ближайшим и все растущим резервом пролетарского литературного движения»¹. В резолюции особо отмечается решение проблемы писателей-попутчиков и тут же подчеркивается особая роль ОГПУ: «Успешное разоблачение агентуры классовых врагов СССР <...> убеждают все более значительные слои интеллигенции в победе коммунизма»². Перед пролетарскими писателями ставится задача изживать враждебные влияния, проникающие в их творчество. Среди них — теория независимости литературы от классовой борьбы. Кроме того, литераторов призывали «отвергнуть со всей решительностью “левацкие” теории», конкретно указывая на группу писателей платформы «Литфронт». Констатировалось, что «левые» теоретики ликвидации искусства подменяют идейное руководство бюрократической диктатурой. Также прозвучал призыв оторвать от буржуаз-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 232. Л. 214.

² Там же. Л. 220.

ных писателей писателей-попутчиков и добиться полного разгрома буржуазной литературы как рупора классовых врагов.

Партийная резолюция дала старт началу большой цензурной кампании. Особую опасность для власти представляло влияние буржуазных идей на национальную литературу. По поручению Сталина была выдвинута задача разбавления художественных элит выходцами из народа. Пролетарско-колхозные писатели должны были вовлечь в свои ячейки передовых рабочих совхозов, связанных с селькоровским движением. Особая роль в становлении личности нового писателя возлагалась на объединения пролетарских писателей РАПП и ВОАПП, которые занимались формированием литературной политики.

Проектом указанной резолюции завершается важный этап формирования подходов к литературному творчеству. Новый тип писателя определялся не в качестве самостоятельного субъекта, с которым партия во главе со Сталиным станет договариваться и заигрывать. Литераторам, которые добровольно примут новые правила игры, предстояло творить уже в совершенно иных условиях, чем прежде. Развитие государственной цензуры приведет к новому типу литературного творчества, который в дальнейшем сформирует образ отечественной литературы XX века.

Список литературы:

Васильев Ю.А. 2006. *Модернизация под красным флагом*. М.: Современные тетради. 343 с.

Васильев Ю.А. 2011. Очень странный российский капитализм. — *Власть*. № 9. С. 4-6.

Васильев Ю.А. 2012. О факторах риска в условиях капиталистической модернизации в России: цикличность кризисов. — *Власть*. № 10. С. 18-22.

Жирков Г.В. 2001. *История цензуры в России XIX–XX вв.* М.: Аспект Пресс. 368 с.

Лапшин А.О. 2015а. За нами — правда истории. — *Власть*. № 10. С. 237-240.

Лапшин А.О. 2015б. История Великой Победы. — *Знание. Понимание. Умение*. № 4. С. 351-357.

Устрялов Н.В. 2003. *Национал-большевизм*. М.: Эксмо. 367 с.

GRASCHENKOV Il'ya Aleksandrovich, Head of the Center for the Development of Regional Policy (9, bld. 4, Tverskaya St, Moscow, Russia, 103009; delober@gmail.com)

THE IMPACT OF THE POLITICAL STRUGGLE WITHIN THE BOLSHEVIK PARTY ON THE FORMATION OF LITERARY CREATIVITY IN THE USSR

Abstract. The article analyzes the relationship between the power and writers in USSR in the period preceding the Stalin's «great turning point» of the late 1920s. The author traces the changes in the interactions of the Bolsheviks and writers, which in later years led to tightened censorship. Particular attention is paid to the connection of inner factional struggles and the gradual growing of the party apparatus in the structure of the state, and to the involvement of the OGPU in the political processes. The author shows that the literary work became an instrument of political struggle: there was an ideological request for a «new type of writer».

Keywords: power, literature, press, Soviet Union, party, Stalin, intraparty fight, censorship